

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИЛЬЯ ПАВЛОВ

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П12

Серия основана в 1992 году
Выпуск 954

Художник
В. Федоров

Павлов И. П.

П12 Другая жизнь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2009-4

Некогда богатая страна теперь разорена страшным мором. Немногие выжившие пытаются наладить существование. Кто-то хочет вернуться к старому укладу, другие ратуют за новую жизнь. Другую жизнь. Одиночка, лишившийся всего, примыкает к отряду таких же изгоев, которые не могут найти себе достойное применение. Куда они вместе скатятся? К разбойникам или наемникам? К ночному ужасу или к «благостному свету»? Слова и раньше ничего не решали. Только меч. А теперь? Может, умная голова наконец-то победит в этом мире? Новом мире.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Павлов И. П., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2009-4

*Посвящается Ольге Лансковой, которая не успела
прочитать эту книгу*

Когда твоя жизнь ничего не стоит, не пытайся про-
дать ее, просто поменяй на другую.

Бор Гленн

*16 жменя 315 года. Вечер. Дорога на Лысые перелазы.
Учитель*

...И домчаться под начинающимся дождем до скирды с се-
ном. И нырнуть туда вдвоем, разгоряченными от бега. И бро-
ситься друг к другу. И все вспыхнет и останется вне понима-
ния и вне времени. И промчавшаяся гроза, и ночь, и само бы-
тие. И вжаться в это теплое и мокрое. В круглое и горячее.
В бесконечно вкусное. И пропасть друг в друге. И перепутать,
где ты и где она. И выбежать в холод, вдохнуть ночного звеня-
щего воздуха, и броситься обратно. И отдать. И взять. И поме-
няться. И плакать от такой возможности. И невозможности.
И жить. И снова чувствовать. Тепло. Холод. Мягко. Упруго.
Вкусно. Забыть все. Снова родиться. И... и... и...

17 жменя 315 года. Утро. Сотия. Учитель

Судя по сверкающему солнцу, уже далеко за полдень, но в
стогу было еще прохладно. Какие-то пичуги щебетали непо-
далеку. Надо вставать. Лень. Впереди прекрасный день и, на-
верное, прекрасный вечер. Нет, надо вставать. Или не надо....
Впервые за последние пять лет жизнь остановилась в ка-
ком-то порядке и, чего греха таить, блаженстве.

Ощутил эту мысль, повертел в мозгу и понял: все-таки
что-то беспокоит. Внутри? Нет. Про жизнь? Нет. Нега и сон
уходили. Беспокойство нарастало. Высунулся из стога, на
поле до самого леса — никого. Влез обратно, стал одеваться и
тут же понял, *что* беспокоит. Запах. Снаружи явно пахло све-
жей гарью, не дымом уже, а именно гарью. Что-то недавно
сгорело, и ветер нес запах свежего пепелища.

Деревню из-за леса не видно, но сгореть могло только там.
Быстро обулся, похлопал по щекам, приходя в себя, и побе-

жал, на ходу оправляя одежду. Опять баня чья-то сгорела. Праздники... Паримся, пьем, опять пьем, опять паримся, потом потеем, таская ведра на пожар, и коптимся, пытаюсь потушить хоть что-то. Народная забава. Причем каждый месяц.

Надо все-таки что-то придумать с этими пожарами... Ха, сделать пожарную команду, как в Корронне! С черными лошадьми и бронзовыми касками. И колоколом. Вот только колокол и удается тут, так как пожарная команда и будет самая пьяная. Точно, куплю колокол на базаре в этом году, повешу на площади; хоть что-то.

Жук влетел в рот на бегу: я выплюнул, но горечь осталась. Ветер все явственнее нес дым. И пахло не только горелым деревом, но и бедой — спаленным жилищем, горелыми тряпками и волосами. Что ж они там учудили!..

Голова почти проветрилась ото сна, мозги включились. Сразу стала ясна еще одна непонятность. Тишина. Отсюда уже были бы слышны ругань, вой скотины и крики. Что же я проспал? «И был покой, но в тот момент мы спали»... дальше уже и не помню, а ведь учили всю поэму наизусть. Надо перечитать и своим задать на лето. Всю. Целиком. Пусть учат. Вот брюзжания будет...

Взбежал на пригорок — и обмер. Центральные домов не было, только пепелища догорали. Ближайшие дома стояли, но с выбитыми стеклами и поваленными плетнями. По всей улице валялись тела. И никто не двигался.

На деревянных ногах начал спускаться по дороге, и сразу же справа у большого камня увидел ее. Наверное, она, торопясь утром, выскочила прямо на них — тех, кто сидел за камнями и ждал рассвета. Трава была вытоптана, валялись обрывки тряпок и огрызки овощей.

Присел на корточки; еще в надежде, что живая, потащил тело из-под камня. Голова мотнулась как у куклы, повернулась в мою сторону, и неживые глаза, с выражением бесконечного удивления, не мигая, посмотрели в небо. Губы разбиты, руки ободраны, а одежда разорвана. Скорее всего, схватили, заткнули рот, чтобы не закричала, повалили, потешились, а потом недолго думая просто ткнули ножом под ребра. И крови-то вытекло совсем немного.

Попытался поднять, не смог. Упал сам, из горла вырвался какой-то непонятный то ли стон, то ли рык. Аккуратно поло-

жил на траву, запахнул сарафан, взял за руки. Правый кулак зажат: тихонько разжал его. В ладони остался пук огненно-рыжих волос. В деревне таких бород не было. И нигде поблизости.

Встал, посмотрел на деревню, снова сел. Только сейчас подумал: может, они еще там. Подобрал булыжник и стал спускаться. Булыжник против нескольких вооруженных и готовых на все человек. Нет, не человек, нелюдей. Все равно, добаться хоть до одного. Рыжего. И сделать мертвым. И чтоб глаза вот также недоуменно смотрели в небо.

Кто же это... Как можно?! Весь мир, еще час назад такой цельный и красивый, рухнул, распался и обратился пеплом. Людей резали сонных, прямо в домах, непонятно зачем. Конечно, всей деревней могли оказать сопротивление. А так — перережь поодиночке и грабь.

Возле колодца, привалившись к нему, сидел Седой. В руках старика вилы, а в груди торчит арбалетный болт. Услышав меня, Седой вздрогнул и открыл глаза.

Я подскочил к нему, упал на колени, не зная, что делать.

— Седой! Дед! Что? Кто это?

Глаза его с трудом сфокусировались на мне.

— А, Учитель... живой... — и снова прикрыл глаза.

— Дед, дед, что сделать? — Я попытался положить его на землю, но он захрипел.

— Не трогай; все, отхожу, — снова открыл глаза он. — Учитель, кто-то жив еще?

— Не знаю, не вижу. Кто это был? Куда пошли?

— Да расслабились мы. Забыли, как это бывает. Разбойники какие-то. Или наемники. С Лысого перелазы пришли, по пыли на обуви я понял. Значит, вниз пойдут, к людям. Человек десять. Оружия много. Главным — рыжий у них. — Седой забулькал кровью изо рта, заперхал мне в лицо. — И еще двое рыжих. И бабы есть. Тоже с оружием. А мы — как дети. Пропали. Сытно жить стали, Учитель. До мора все с оружием спали, колотушник дежурил.

— Зачем, что с нас взять!.. — Я чуть не орал.

— Холодно. Как зимой. Вот как оно — умирать-то... Скотину выпусти. А нас всех в дом снеси и сожги.

— Я в городок побегу, в Регу, за помощью, быстро, — вскричал я. — И этих чтоб поймали...

— Стой, дурак... Они на наших конях уже вечером до тракта дойдут. Ищи их там... А нас ночью лисы обгрызут, будем тут без лиц валяться. Жги. Посмотри, может, еще кто живой.

Я бросился по деревне. Стал орать. Без толку. Только коровы начали мычать во дворах. Людей не было. Живых. Большинство порублены по домам, лишь некоторые успели выскочить на улицу, и там были проткнуты мечами или стрелами. Разбойники явно обыскали деревню полностью, убив всех.

Во дворе Большого наткнулся на всех его детей. Брошка, Веснянка, Сизый, Огурец. Все лежат на пороге дома. Сам Большой, с окровавленным топором в руке, прищиплен болтами к входной двери. Из сеней торчат сапоги. Одному он все-таки успел разбить голову. После удара Большого лица убитого не рассмотреть. Обычная военная кираса, без шлема, неплохой меч. Арбалет разбит ударом и валяется рядом.

Подобрал меч и, стараясь не смотреть на детей, вышел на улицу. Пожарище снова разгорелось. Огонь подобрался по забору к бане Головы, и теперь весело потрескивал.

Седой держался левой рукой за болт в груди, то ли пытаюсь выдернуть, то ли, наоборот, удерживая его.

— Никого. Даже детей. — Я бросил меч перед ним, сел рядом.

— Воды дай.

— А можно?

— Мне теперь все можно. В последний раз.

Подержал ведро у него перед лицом, потом намочил ладонь, протер лицо.

— Давай перевяжу.

— Не мельтеши. Все сделано. Ты где сам был? — Седой снова закашлял, стараясь сесть поудобнее.

— На выпасе, в стогу спал.

— Один, что ли?

— Не один. Она утром ушла. Убили.

— Кто «она»: Солнце, что ли?

Я промолчал. В груди натягивалась железная струна. Натянулась, но не лопнула. Зазвенела непонятным взвизгом. И как жить дальше? Зачем? Хотели зимой перестраивать школу. И устроить детское представление на ярмарке. Брошка должна была играть лесную царевну. Струна натянулась еще на пол-оборота колка.

— «Без домов, без могил...» — попытался напеть Седой.

— Что?

— Песня хорошая была... да ты, наверное, знаешь, Учитель.

— Нет, не слышал.

— Да ну?.. Я думал, ты все знаешь. Видишь, даже, где спря-
таться от смерти, знал.

— Лучше бы тут, вместе...

— Не дури. Кто-то должен отомстить. Жди. Готовься... —
Голос стал еле слышен. — Давай собирай, а то к темноте не
успеешь...

Носил тела в дом Седого. Он сидел к дому спиной. Несколько раз подходил к старику. Тот впал в забытье, что-то бормотал, даже смеялся. Умер уже в темноте, когда я, весь облитый чужой кровью, нес последнего... Последнюю. Солнце. Положил ее возле старика, не в силах внести в дом, полный смерти. Так и просидел всю ночь, освещаемый горевшими домами.

Рано утром приехали две телеги с Последнего хутора. Увидели отсвет пожара ночью, решили узнать, что у нас так весело горит второй день. Шило, высокий мужик, с сыновьями, и па-
стух Моть: была его очередь выводить стадо.

Я не запомнил почти ничего. Мужики отнесли Седого и Солнце в дом. Запалили. Моть занялся скотиной. Сыновья Шила, оба — мои ученики, распрягли коней. Один рванул в городок, второй — домой на хутор, предупреждать людей.

Шило сел рядом, откупорил баклажку, сунул мне в руки:

— Пей; надо, паря, надо.

Пил, сам не знаю что. Потом долго мылся у колодца.

— Хорошо сделал, в огонь всех. К нам поедешь? — Шило достал из котомки вторую баклажку.

Я помотал головой. Добрел до дома Беспалого, у которого жил в пристройке. Вещи раскиданы. Но почти все целы. Денег нет. Взял старый кожаный ранец, с которым приехал сюда пять лет назад, засунул старую университетскую куртку, несколько книг, тетради. Потом вытряхнул книги обратно, оставил только одну, философа Бора Гленна. В хозяйской половине сгреб, что нашел съестного. Вернулся к колодцу, подобрал меч.

— Где чужой? Тоже там? — кивнул на горящую избу.

— Нет. — Шило с укором смотрел на меня. — Ты что удумал, Учитель? Не поймать их, поверь уж мне. Коней в любом городке сменяют, вещи пропьют. Пусть начальство решает.

— Я теперь начальство. Решать буду.

— Да ты овцу вон зарезать не можешь, тошнит тебя потом, — Шило хмыкнул, — а ты их даже не видел. Приедут из Реги от графа, что говорить будешь, Учитель?

— Нет больше Учителя. Умер. Ты с начальством будешь говорить. И скажи, что всех побили, до одного. И своим, прошу, передай: все умерли.

5 коротка 315 года. Полдень. Висек. Второй

Как всегда, ни времени, ни денег. С деньгами-то ладно, не в первый раз, разберемся. Но время... Получили заказ на охрану. Кого? Барон со своими людьми сами кого хочешь поохраняют. На убийство. Кого? Кабана? Так он сам кого хочет убьет.

— Не кипятись ты, — это Старшина мне. — Ты, как всегда, все всерьез воспринимаешь. Нас специально попросили ничего не делать и никуда не встречать. Барон понимает, что вряд ли мы завалим Кабана, и уж тем более не полезем в драку с местными.

— И что? А денег кто даст? И людей осталось — тьфу; скоро обычной шайкой станем.

— Слюдьми — да... Давай найдем. Кинем клич по городку, вдруг кто найдется. Хоть человека три. — Старшина вытянул ноги.

Совсем сдает. Голова еще работает, а с ногами и руками — беда. Ладно, нам его в бой не посылать, а с заказчиками разобраться еще вида хватает.

— Три... Придут семь, как всегда. Троим из них и подводу нельзя будет доверить. Двое, получше, сбегут, когда поймут, что мы не грабим и не режем всех подряд. А двое оставшихся в первой же переделке лягут. Некогда учить, Старшина.

— Это неправильно. Давай так. Взяли людей — и каждого к кому-нибудь из старых прикрепили. И под приглядом, и учеба какая-никакая. — Командир стал растирать колени.

— Кто ж из наших на это пойдет? Обуза лишняя.

— А ты попробуй. Может, что-то получится.

Получится, как же. Городок-то — на большой дороге. Кто хотел, уже давно при работе. Барон местный, опять-таки всех, кто мечом умеет махать, под себя подгрел. Да и в городском ополчении тоже места есть. Грызутся друг с другом. Барон требует подчинения. И денег. Городские купцы артачатся. Где

ты был, ваша светлость, пока мы от мора отходили, городок поднимали, торговлю налаживали? В замке сидел. А теперь, когда на ноги встали, — должны платить тебе исконное... Да, времена другие.

Еще Кабан объявился. Говорят, что он тоже бывший барон. А теперь бесчинствует на тракте. Дань собирает с караванов. Попробуй не дать. Отряд хоть не большой у него, так сам тридцати сто́ит. Здоровенный, как дракон, умеет мечом махать, да еще кольчуга его знаменитая... Черная, страшная. А главное, мало я видел кольчуг, которые арбалетный болт с пяти шагов выдерживают.

Помню, Сержант рассказывал, что был у них в полку какой-то благородный с кирасой, которую стрелы не брали. Но, говорит, если в упор всадить, человек все равно отлетает. Сила у арбалетной стрелы страшная. А Кабану хоть бы хны. Не падает, на ногах стоит, мечом машет.

Вошел Сержант. Вот кто смог бы с Кабаном схлестнуться! И здоровущий, и оружием владеет. Всю жизнь при мече.

— Сержант, — поднял голову Старшина, — сходи в кабаки местный, скажи, что людей нанимаем в отряд. Вдруг дураки найдутся.

Сержант хмыкнул, повертел коротко стриженной головой, по которой переплетались страшные шрамы, взглянул на меня.

— Швали да пьяни найдем, не лучше. Нам это надо?

— Да вот командир говорит, что надо. Учить их будешь. Хватит пайку сержантскую задаром жрать.

Все рассмеялись. Сержант снова покрутил головой.

— Учить — оно, конечно, хорошо. Было бы кого.

— Сходи, сходи, — Старшина принялся за вторую ногу, — заодно узнай, где Кабана последний раз видели.

6 коротка 315 года. Утро. Висек. Лиса

Купила себе и ему поесть. По правде, я ему теперь должна до конца жизни выпивку ставить. Но от рома он отказался, попросил две кружки чая. Одну выпил сразу. Потом придвинул тарелку и слегка поморщился.

— Чего ты, суп не любишь? — спросила я.

— Нет, все нормально, спасибо, — и стал хлебать. Он прибил к нашему обозу в Залустье. Пытался найти работу, да

кто ж незнакомца возьмет в караван? Разрешили идти вместе, и то хорошо. Видно было, что не боец, хотя и с мечом. Кирасы нет, шлема нет, ранец какой-то стремный. На постоялом дворе, где к нам подошел, отработывал ужин и ночлег: чистил конюшню. Худой, высокий, лицо интересное, но глаза — как после мора у всех были. Когда из семьи один в живых остаешься — вот так же на мир смотришь. С вопросом. Зачем и почему. И как жить дальше. Всю дорогу шел следом за повозками. С дровами помогал, у костра сидел, но еды не просил. Видно было, что голодает, да не принято за просто так кормить. Лешак только раз полкраюхи хлеба ему дал, когда он помог лешаковский воз с лужи вытянуть.

Я сама была на птичьих правах. То ли служанка при обозе, то ли охранница жены начальника, чтобы та в лес могла сбегать под приглядом. А судя по взглядам хозяина, еще и он сам на меня виды имеет. Да жена пока мешает. Надо в первом же приличном городке уходить от них. И что? Опять мыкаться. На первое время, правда, деньги есть. А потом? Что умею? Стрелять. Спасибо отцу, лучшему охотнику Восточного леса, егерю Контулука, что научил. Кто в наемники женщину возьмет... А через постель не хочу. Готовить умею — так какая баба не умеет? Зверье выслеживать — здесь это не надо. Вот и вся моя жизнь.

Так и добрались почти до этого городка. Дня не хватило. Смотрим, на дороге две женщины стоят. В нарядных платьях, с зонтиками, прямо как на картинке из книжки про баронессу Литу, дома у нас была. Нас с братом по ней читать учили. Ну меня в основном. Картинки смотрю, буквы запоминаю. Брату только один рисунок нравился, там, где охотники в блестящей броне на красивых конях загоняют контулуковского тигра. А отец смеялся.

Вот, стоят две красавицы. Все наши охранники на них и вылупились. Пялились, пока справа и слева не свистнуло, и половина сразу свалились, со стрелами, торчащими в разных местах. И сразу люди на дорогу выскочили. Вроде и немного, да драться никому не хочется. Мы сгрудились вокруг повозки хозяина, а со стороны нападавших вышел высоченный воин в черной страшного вида кирасе, в шлеме, полностью закрывающем лицо. Шлем украшало черное перо.

— Кабан, — зашептались охранники, — Кабан это.

— Четвертую долю — и останетесь живы! — закричал черный. — За проход надо платить.

— А не много ли?.. — заскрипел хозяин зубами. — Четвертую даже графу не платили.

— Ух ты: цены знаем, да? — Черный рассмеялся. — Ладно, как обычно — десятую. И вот эту женщину. — Кабан ткнул рукой в хозяйскую жену. Та оцепенела.

— Эту не отдам, — хозяин задернул супругу за спину, — могу дать другую, помоложе.

Я напряглась, младше его жены в караване была только я. Да как он смеет...

— Хорошо, договорились. — Черный махнул своим людям: — Забирайте золото и женщину.

Я не успела опомниться, как два наемника схватили меня. Начала отчаянно брыкаться, но держали крепко. Связали как тюк и бросили за телегой, чтобы не мешала. Проходившие мимо бывшие попутчики стыдливо отворачивались. Сволочи. Молча ревела, глотая слезы. Сволочи. Твари.

Впереди каравана вспыхнула перебранка. Кабан затребоval еще и подводу, чтобы отвезти награбленное добро. Вот бы они там поубивали друг друга...

Кто-то дернул меня за ноги, попыталась пнуть.

— Тихо, не шуми, — прибившийся к нам парень, не поднимаясь, на четвереньках, стал оттаскивать меня за крайнюю телегу. Поможет? Или, наоборот, даст по голове и выпотрошит карманы, пока другие не догадались?

Впереди шумели, но уже потише; видно, договорились. Парень вытащил нож, чтобы освободить мне ноги, но тут прямо над нами показался Шпынь, один из охранников хозяина. Увидев нас на земле, он выматерился и потащил меч из ножен. Парень, не раздумывая, воткнул нож ему в ногу, пригвоздив стопу к земле. Шпынь заорал. Мой неудачливый освободитель выглянул из-за телеги, оглянулся и, видно приняв решение, поднялся в полный рост, взвалил меня на плечо и рванул в лес. Сзади заорали. Хорошо голова оказалась за его спиной... но на заднице и ребрах синяки держались с неделю. Так быстро, как он, я сама по лесу никогда не бегала. Парень сначала продрался через придорожные кусты, а потом, когда они нас заслонили, резко повернулся и побежал вдоль дороги. Несся как конь, за поворотом резко перебежал дорогу и снова лома-

нулся в чащу. Ветки лупили как следует. Хорошо хоть здесь не северный бор, а листовянка, поросшая вдоль дороги и более-менее проходима в глубине леса.

Свернули снова; теперь мы были с другой стороны от места засады. Хитрый, бродяга... Сглазила. Запнулся, чуть не уронил и сам чуть не упал. Остановился, снял меня на землю, лег рядом. Пыхтел, стараясь продышаться. Вытащил меч, стал резать на мне веревки. Надо же, ранец свой не бросил, а мои вещи теперь пропали. Хорошо хоть все деньги были на поясе. Вещи что, жалко было только отцовский арбалет. Сломанный, тащила с собой, думала, найду приличного кузнеца, поправлю. Не судьба.

— Бежим, по следам найдут. — Я вспомнила свое охотничье воспитание. — Ты там столько веток посшибал... моей задницей.

— Ну извини, я не хотел. Бежим.

— Стой. Куда ты?

— Зачем по лесу? Бежим вперед них на дорогу — и в городок. Впереди искать не будут, а в городке должна быть власть какая-то.

Вот ведь умный какой. Я бы сейчас полдня по лесу шарахалась, пока поняла, куда податься. А тут — самое правильное решение. Сзади послышались голоса... Мы добежали по лесу до следующего поворота, выскочили на дорогу и рванули вперед. Бежим, дышим, друг на друга посматриваем; у ручья поймал меня за руку.

— Стой. Умоюсь. Хорошо бегаешь. Где наловчилась?

— Отец егерем был. Всю жизнь по лесу бегаю.

— Всю жизнь... — передразнил он, — лет-то тебе сколько, баронесса Лита? Знаешь, была такая баронесса, страстная охотница. Все время по лесам ездила, диковинных зверей искала. Литой звали.

— Да, знаю. Охотница. Спасибо тебе. Меня Лисой зовут. А тебя?

— Теперь уже и не знаю. Как назовешь.

— Буду звать тебя Доходягой. Когда ел последний раз?

— Вчера вечером. Гриб пожарил. Доходяга так Доходяга, сгодится.

— Спасибо, Доходяга, ужин с меня.

До городка дошли только на следующий день. От встречных прятались, наш караван так нас и не догнал. В таверне

оглядели нашу потрепанную одежду, но поесть дали. Сидим, хлебаем луковый суп.

— Что дальше делать будешь? Ты вообще куда направляешься? — Спасение спасением, но надо сразу дать понять, что кормить его всю оставшуюся жизнь не намерена. Усмехнулся.

— Людей одних ишу. Только где они, не знаю. — Он опять посмотрел к себе в миску и перекосялся. Отставил, взялся за чай. — Поищу здесь какую-нибудь работу. Потом пойду дальше. А ты?

— Не знаю. Надоело скитаться. Пристать бы к кому-нибудь... да кто возьмет — чтоб без глупостей?

— Да, без глупостей мало кто возьмет, — опять усмехнулся. Смаковал пустой хлеб, как праздничный пряник. — А что делать умеешь?

— Стрелять. Из арбалета. По следам ходить. В лесу. По степи — хуже. А ты?

— Да почти ничего. Как оказалось.

— Бывает. Ладно, пойду поброжу по городку, если найду что-нибудь, позову.

— Спасибо.

Нашел, как ни странно, он, а не я. Когда пришла без сил обратно в таверну, он сидел за столом с двумя здоровенными наемниками, о чем-то их расспрашивая. Наемники отвечали неохотно. Наконец высокий дядька с огромным мечом и старой, по виду готовой вот-вот расползтись кольчуге, махнул на него рукой и что-то грубо спросил. Доходяга аж привстал, потом ляпнул что-то такое, от чего сидевшие за столом заржали. Второй наемник хлопнул его по плечу. Я подошла уже совсем близко и услышала дальнейшее.

— Да, Сержант, — продолжал смеяться хлопнувший, — этот нам подойдет. Не мечом, так языком будет махать. Пригодится. — И он плесканул в кружку из-под чая, что стояла возле Доходяги, из своей бутылки.

— Я только стреляю не очень, а с мечом очень давно не тренировался. — Доходяга понюхал кружку и сделал вид, что пьет. Мне сзади было видно, что он только намочил губы. Из вежливости. Хитер, бродяга.

— Тренировался... — Сержант ухмыльнулся. — Кто ж был вашим тренером?

— Да был один. Бывший солдат. Из Контулукского гвардейского.

Сержант поперхнулся ромом и переглянулся с напарником.

— Неплохо. Строй держать? Атака уступом?

— Да почти ничего не помню. Больше просто фехтовали. Для удовольствия.

— Для удовольствия... У нас одно удовольствие — целым к вечеру остаться. — Сержант допил. — Ладно, там посмотрим. Пойдем к Старшине.

Доходяга обернулся и увидел меня.

— Да, Сержант, — с ходу продолжил он, — вот могу порекомендовать еще человека. Стреляет из арбалета, как баронесса Лита. И следопыт отменный. Тоже работу ищет. Возьмите.

Наемники уставились на меня. Второй из них рассмотрел мою куртку, повидавшую больше, чем у некоторых за всю жизнь бывает. Особенно его заинтересовала стрелковая нашивка под приклад арбалета на правом плече. Каждый пришивает ее по-своему. Он перевел взгляд на Сержанта и одобрительно кивнул головой.

— Ну-ну, — Сержант махнул рукой, — баронесса Лита и барон гвардеец. Трещите, враги. Теперь мы всех порвем.

«Без домов и могил,

Лишь с мечом на плече...»

Доходяга снова подпрыгнул.

— Что это? Что за песня? Откуда?

Сержант не ответил, бросил на стол монету, махнул нам, чтобы шли за ним, и потопал к двери.

6 коротка 315 года. Полдень. Сержант

Сестру она мне напомнила. Только та была не рыжая, а русая. Я пошел в отца, здоровый и тупой, а сестра, как и мать, была тонкой, гибкой, веселой и шептливой. Пели они песни вдвоем — заслушаешься. Долго отговаривала меня от службы: мол, и здесь пригожусь. А что в нашем городке было делать? Не знаю. Но жалею, что ушел. Мор они пережили. Погибли сразу после. Вряд ли я смог бы их защитить. Но вдруг?..

А так, двадцать лет службы, включая Контулукский гвардейский. Там, правда, не прижился. Скучно. У меня тогда уже сержантские нашивки были. Опыт. И шрамы. Куда мне —

маршировать и честь отдавать... Вот и встретил мор далеко от столицы. Пережил и его, и еще страшнее: то, что наступило сразу после него. Анархия, разбой и прочие радости дикой жизни.

Пена сошла. Слишком ретивые и наглые сгнули. Люди поняли, что все же лучше работать и торговать, чем грабить и воевать. Ладно.

Надо присмотреть за девчонкой: не дай боги, что-то случится... Не прощу себе снова.

б коротка 315 года. Вечер. Висек. Второй

Из городка Сержант с Веслом притащили плохие вести про Кабана и пятерых человек. Эти были еще хуже вестей.

Кабан объявился где-то возле самого городка. Выпотрошил два обоза. Пострелял кучу народа. Но самое паскудное — имел встречу с горожанами. И о чем они там договорились, одним небесам было известно. Плохо. Как бы не влипнуть.

— Не бесись, уже влипли, — это Старшина. — Пошлем людей, деньги надо отрабатывать. На вооруженных и без обоза он не нападет. Обозначим движение, и все.

— И все... Пальнут из кустов! Людей и так мало. — Мой нервяк перешел все границы. Не люблю такие ситуации. Когда от тебя ничего не зависит.

— Сядь, сядь, я тебя прошу. — Старшина начал разливать по кружкам. — И ты, Сержант, сядь. Маячите тут передо мной, пользуетесь, что уже выпрямиться не могу и хлопнуть по макушке. Вот помру скоро, тогда закопаете и будете нервничать. А пока — сидим, пьем, поем песни.

Мы с Сержантом плюхнулись на скамью. Помрет он скоро... Как же. Всех нас перескрипит. И слава небесам. Без него и отряд не отряд. Отряд Старшины.

Помню, как с Сержантом прибились к нему. У меня напарника убили. А Сержант и Весло остались без денег и работы. Клиент их на руках помер, не успели довести. Вот и столкнулись все в той веселой таверне. В Тагании. В «Драном леснике». Почему «леснике»? Почему «драном»? Сам хозяин не помнил. Но то, что мы ему денег должны, это помнил. Начал выставлять за дверь. Я бы ушел, а вот Сержант с Веслом напоследок хотели там побуянить.

Тут Старшина и нарисовался. Шепнул что-то хозяину, тот сразу скис, а нам поставил по кружке и покормил, когда понял, что голодные, как контулукские тигры.

— Люди мне нужны, — говорит, попивая свое пойло. Как он его хлебает, до сих пор не понимаю. Правда, сам уже пью. Привык.

— Надежные люди, проверенные. У меня есть человек десять, но все больше по ночам привыкли работать.

Сержант с Веслом напряглись. Воякам в разбойники переходить не улыбалось. Да и я поначалу от такой перспективы приуныл.

— Нет, вы меня, уважаемые, не так поняли, — сразу просек Старшина. Разлил по кружкам. — Делаем нормальный отряд. Без зверств и грабежа. Только чистая работа. Найм, охрана и прочее. Набираем человек двадцать, чтобы прокормиться можно было. И отбиться, если что. Вы люди, я вижу, в боях опытные. Мои ребята тертые, но все больше самоучки. Я сам многое повидал. Старшина — это не украденный чин. Отслужил.

— Где? — Это мы с Сержантом одновременно спросили. От его ответа все и зависело. Понравится — останемся. Нет — значит, нет.

— Ох, уважаемые, первый раз я «старшину» еще у старого герцога получил. В Морском полку. А потом еще три раза. Привычка, что ли. Один начальник снимет, за длинный язык, другой представит. Последний раз аккурат в год до мора. Перед отставкой. За Перегиб.

Мы с Сержантом переглянулись. Вот ведь, не были знакомы до сего дня. А по этому взгляду все друг про друга, да и про Старшину, поняли. Бывает так. Когда одиночки в стаю сливаются, когда понимаешь, что лучше кусок от большой краухи, чем только своя, но маленькая горбушка. А бывает и наоборот. Но не в этот раз.

За длинный язык. Как же. Потом-то мы поняли, какой «язык» у него длинный.

Да я и сам не без греха. Хорошо, что все уже быльем поросло. Притерлись. Стали жить. Не умею байки травить. У Сержанта спросите. Как и что.

— Привел пятерых. — Сержант вытянул ноги. — Кузнец из соседнего городка; кузня сгорела, разорился. Вояка непонят-

но какой, но зато сильный, да починить что, если надо, сможет. Его Весло будет «строить».

— Кузнец — это хорошо. Еще?

— Двое парней. Молодые совсем. Думают, что наемник — это круто.

— Ты, надеюсь, не стал их разочаровывать?

— Нет, сами сбегут. Один за Синим, за вторым Пекло смотрит.

— Они их научат, — это уже я встрял, — как волынить и за бабами бегать.

— Ничего: я сказал, что косяки молодых — это теперь их косяки. — Сержант ослабил. Вот ведь хитрая bestия! По уму, это он должен у Старшины в помощниках ходить, а не я. Играет роль солдафона. Мечи и лошадки — типа, мое. А куда править — это ваше.

— Так, а еще двое? — Старшина, как всегда, делает вид, что все идет по плану. Дали денег — это мы так и рассчитывали, не дали — это наша такая уловка. Ну да, конечно...

— Женщина.

Мы с командиром удивленно подняли брови.

Видя наше изумление, Сержант быстро продолжил:

— Стрелок. Из охотников. Весло сказал, что из настоящих.

— Ну и кто за ней присмотрит?

— Ну я могу... — Сержант старательно делал вид, что ему это не в радость, но уж если надо...

Старшина хрюкнул в кружку.

— А пятый? — перевел я разговор на другую тему.

— Этот вообще непонятный. По виду из благородных. Фехтованию его, видишь ли, где-то обучали... Но отощавший, как жердь. Карту знает, грамоту знает. Как коня в телегу запрячь — не знает. Короче, стремный. Хотите — поговорите, но нашим его доверять нельзя. Кто за ним следить будет, не знаю. Но, может, пригодится.

— Зови его сюда. Поговорим.

6 коротка 315 года. Вечер. Висек. Старшина

Помню, в Морском походе... Холод, голодуха... жуть, одним словом. Герцог построил всех и говорит веселым таким голосом:

— Значит так, орлы!

А «орлы» уже друг за друга держатся, чтоб не упасть.

— Сегодня едим от пуза. И завтра. Два дня отдыхаем. Кого едим? Коней, кого еще. Да, бросаем все пожитки здесь. Отсыпаемся, берем все только необходимое на десять дней. Налегке за десять дней дойдем. Дойдем, дойдем. И там нам дорого заплачат за каждого съеденного сегодня конягу.

И что ты думаешь? Взяли по мешку на плечи. Кто оружие, кто остатки еды. Поровну поделили — и вперед. В нашем десятке друг другу помогали. Один если к вечеру ослабеет, то его груз делили, чтобы до ночлега доковылял.

Ну вот. Утром собираемся. Все уже готовы выйти. Тут я смотрю, из-под лапника, на котором спали, что-то торчит. Пнул ногой, а там лошадиная нога, вяленая. Вчера одного нашего облегчили, так он решил, что теперь его пожитки мы все оставшееся время нести будем. Мужики его чуть не порвали. На ужине повар каждому по кусочку делит, а тут столько мяса забыть: вся наша жратва на три дня вперед!

Так что, если хочешь, чтобы тебя уважали, помни, что не ешь и за что отвечаешь. По жизни так.

Что? Дошли или нет? Ну я ж сижу перед тобой... За коней? Да. Герцог запретил им лошадей пять лет держать. На себе пахали. Коров в телеги запрягали. Зато тяга к бунту пропала надолго. Не балуй. Пока герцог старый жив был, все это помнили хорошо. «Ибо одно только право есть у корроннского герцога: держать страну в целости, а людей — в порядке и сытости. И другого ему не дано на вечные времена»...

9 коротка 315 года. День. Северный тракт. Сержант

Выдвинулись. Старшина приказал на рожон не лезть. Спокойно дойти до первого ночлега. Бряцать оружием. Делать вид очень грозных вояк. И все бы хорошо... да только вскоре догнали караван, и купцы, не будь дураки, подстегнули своих лошадок, чтобы до темноты ехать, не отставая от нас. Получилось хуже некуда.

Хотел уже скомандовать привал, как вдруг за поворотом на встречу вышли две одетые в нарядные платья женщины. И тут бы нам настал полный мрак и скрежет зубовой. Доходяга-новичок спас. После разговора со Старшиной и со Вторым он стал не только членом отряда, так еще командир сказал, что сам за ним присматривать будет. Во как. Из Доходяга переименова-

ли в Старшинского подпевалу, потом в просто Старшинского. А на третий день осталось — Старший. Братья так его назвали, им длинные слова не нравились. Я так звал — Старшой. Для прикола. Так и осталось. В масть, как оказалось.

Вот Старшой и заорал. Да еще таким поставленным командирским голосом, как будто всю жизнь не меньше чем линейным отрядом командовал:

— Засада! Щиты поднять! Закройся! В строй!

Я даже ругнуться не успел. Все на привычке сработало. И ведь успели! Хорошо, плотно шли и группой встать успели. Из кустов болты взвизгнули. Сразу человек десять бы потеряли. А так только Синему в плечо прилетело, остальное — в щиты. На дорогу народ стал выпрыгивать, Братья успели двоих на копыя принять, и в строй. И те не лезут, ждут. А вот и он. Кабан, чтоб ему пусто было. В кирасе своей. Но как хороша! Все бы отдал за такую.

Идет не таясь. И разбойники его подбодрились. Вперед поперли. Стоим, держим. Молодые сзади, с арбалетами. Лиса не вытерпела, выстрелила. И ведь попала. Кабану в грудь. Только звякнуло. А этому дракону хоть бы что. А народу к нему прибывает из кустов. Похоже, что не за обозом он пришел. Видать, горожане за нас ему платили.

— На колени все, тогда пощажу!

Сейчас... не дожدهшься.

— Держим строй! — командую, а сам думаю, что не выстоим. Надо как-то к телегам отступать, а то сомнут.

Братья по бокам спихивают в канаву особо ретивых, чтобы не обошли. Тут и Кабан приблизился. И меч у него под стать. И владеет хорошо. Сделал выпад, и Пекло возле меня сразу осел.

— Строй держать! — ору. И вижу, что если дыру не закроем, то надвое расколуют — и все. Раз! — Старшой со щитом вместо Пекла всунулся. Молодец. Да не с мечом, а с арбалетом. Дурень.

— Куда? Брось.

И Кабан загоготал и меч поднял. Тут наши Пекло за ноги дернули сзади, чтобы из свалки вытянуть. Старшой и упал. Головой вперед, Кабану под ноги. Конец. Отфехтовался. Еще и перевернулся на спину, у Кабана под ногами. И арбалет поднял, да как им от меча отбиться... Да еще от такого.

Потом уже, через несколько лет, я его спрашивал: сам, мол, выстрелил или случайно на курок нажал? Говорит, что сам. Но по-дурному, в меч Кабану хотел попасть, из рук выбить. Чудило.

В меч не попал. А точно между кирасой и шлемом. В палец толщиной щель была, когда Кабан мечом наверх замахнулся. Болт под подбородок вошел и до шлема, только с внутренней стороны, острием достал. Даже перо, здоровое, черное, со шлема сбил изнутри.

— Шаг вперед! — командую.

А там уже со всех сторон в Старшого пытаются мечами ткнуть. Кабан-то стоит еще. Шагнули. Те отпрянули. А Кабан нам за спины уже и упал. Из нападавших один попытался командовать, но Лиса уже арбалет перезарядила. И все. Больше желающих покомандовать не осталось. Тут и охрана купцов сзади подоспела. Разогнали. Баб этих в платях скрутили, и еще человек пять. Две телеги с добром. Пекло жив оказался. Головой только еще месяц мотал. Оглушило его хорошо. Щит и шлем выкинуть пришлось. А Старшой, как увидел свою работу, весь завтрак в канаве оставил. Наши не смеялись. Синий хотел позубоскалить, но Братья ему по шее надавали, пока перевязывали.

Кирасу с Кабана стянули, голову для своего барона отрезали. Старшой перо черное подобрал и на свой шлем прикрепил.

— Надо их закопать. Не по-людски так бросать... — это Старшой; гляди-ка, его чуть наизнанку не вывернуло, а чуть оклемался — и права уже качает.

— Возьми вон пленных, пусть копают. Я добрый сегодня. Весло, бери Братьев, пошарьте по окрестностям. Дело сделано, пора домой. С меня бочонок рома.

9 коротка 315 года. Вечер. Висек. Второй

— Вас слишком мало. — Барон наконец-то перестал обнюхивать кружку и выпил залпом. Зажмурился. Вряд ли от удовольствия. — Если вы примкнете к горожанам, все равно мы будем сильнее. Идите на службу ко мне. Дрязги прекратятся тотчас. Сразу. Выбора у вас все равно нет. Только ко мне.

— Есть и другой путь. — Старшина тоже опорожнил свою кружку.

— Вас слишком мало. Вы не сможете здесь начать свою игру. Я видел ваших людей. Вы профессионалы, но вы устали. — Лицо барона расслабилось. Оба его советника молча кивали головами из-за его плеча.

— Мы привыкли к усталости. — Старшина коротко взглянул на меня и Сержанта.

Я снова стал осторожно наливать из кувшина в кружки. Барона перекосило:

— Вы понимаете, о чем я говорю. Душевная усталость намного страшнее. — Барон с ужасом смотрел на пойло. — Время свободных наемников проходит. А тем более — порядочных свободных наемников. Все отряды пошли на службу к каким-нибудь хозяевам. Остались только шайки, которые прячутся по лесам. Да «Зеленые братья». Да вы. Так что другого пути у вас нет.

Взрыв смеха за стеной, в общем зале, потряс комнату. Светильники дрогнули. Рев из двух дюжин глоток не смолкал. Хотели на все голоса. Барон резко выпрямился, его взгляд встревоженно пробежал по нам.

Старшина посмотрел на Сержанта и удивленно поднял брови. Тот кивнул, отлепился от стены и вышел. За дверью уже сипели от смеха, что-то повторяя и снова взрываясь гоготом.

Советники что-то шептали барону, пытаясь не вылезать за рамки приличия. Тот кивал, не поворачивая головы, держа кружку двумя руками.

Дверь скрипнула, Сержант боком втиснулся в проем, из которого выплеснулись клубы табачного дыма, запахи еды и очередная порция хохота. Улыбаясь в усы, Сержант покачал головой с видом, что все ерунда.

Старшина поднял кружку:

— За вас, барон. Клянусь, если бы не было выбора, мы бы встали под ваши знамена. Но мы привыкли сами решать свои проблемы. Мы решили проблему с Кабаном. — Барон застыл, советники открыли рты. — Да-да, Кабан вас больше не потревожит. Мы сделали, что вы просили.

— Как? Кабан мертв? Доказательства? — Левый советник, высокий, худой, с длинными паучьими руками, не выдержав, выдвинулся из-за барона.

— Ух, мне уже не верят на слово... — Старшина усмехнулся, Советники замахали руками в оправдание. — Сержант, предъяви.

Я сдвинулся в сторону. Сержант сдернул покрывало со стула, стоящего за моим. Советники охнули.

Барон привстал, но быстро совладал с собой.

— Да, профессионалы. Убить Кабана... Это многое меняет. Кто же смог это сделать? Придавили скалой? — Барон рассмеялся. Советники за его спиной теперь шептались друг с другом.

Старшина махнул рукой в мою сторону. Ну да, как что-то выдумывать — это ко мне. Нельзя же сказать, что легендарный Кабан, гроза всей Восточной провинции, просто словил случайный в общем-то арбалетный болт. Главное, наш болт. Остальное не важно.

— Ну, — я прокашлялся, — хорошая командная работа. Отвлечение, распределение ролей, отличный завершающий этап. Кабан убит нами в честном бою. Ваша совесть чиста. Его приспешники взяты в плен. — Старшина в такт мне махал кружкой. Сержант стоял с каменным лицом, чтобы не рассмеяться.

Барон перевел взгляд на Старшину:

— Примите мои поздравления. Итак?

— Вы, барон, забыли про третий путь. Мы просто уйдем из провинции. Нам не хочется влезать в ваши трения. Рано или поздно, но вы, барон, помиритесь с горожанами. Ссора не выгодна ни им, ни вам. Силой это противоречие тоже не решить. Вы помиритесь, а крайними окажутся чужие, то есть мы. Нет. Лучше без работы, чем с такой. Мы уходим.

— Я могу быть в этом уверен? — Барон уже с удовольствием пил из кружки. — Хотя, что я говорю... Старшина, вашего слова, слова командира отряда, вполне достаточно. И то, что вы не перейдете к моим соперникам, уже хорошая новость. — Барон со стуком поставил кружку на стол. Встал, покачнулся (советники поддержали его за локти с двух сторон) и, кивнув нам, пошел к двери.

— Барон, когда мы получим заработанное в трудах и заботах? — Старшина не был бы Старшиной, если бы не вспомнил о деньгах.

Барон, не оглядываясь, махнул рукой своим людям. Один из советников стал открывать ему дверь, что-то нашептывая. Барон в раздражении снова махнул рукой, тогда второй, длинный, вернулся и осторожно положил перед Старшиной тихо звякнувший мешочек. Оглянулся на Барона, но тот уже выхо-

дил, затем перевел взгляд на нас, и выложил еще один такой же мешочек.

— Вместе с Кабаном была женщина...

Старшина посмотрел на меня.

— Там было две женщины. — Я медлил, но Старшина положил руку на мешок с деньгами и тихонько кивнул. — Если вы готовы решить их дальнейшую судьбу, то, пожалуйста, забирайте их вместе с людьми Кабана. Нам они не нужны.

Советник благодарно кивнул:

— Если вам будут нужны лошади, обращайтесь, — и вышел. Сержант — вслед за ним.

Когда дверь за ними закрылась, Старшина плеснул в рот остатки настоя, закусил корнем и повернулся ко мне.

— Мы уходим? — Я был удивлен не меньше барона.

— У тебя есть другие предложения? — Старшина усиленно жевал корешки. — Да, солят они здесь их чудесно. Барон все правильно описал. Мы — третья сила в этом городке. Две другие объединятся и не успокоятся, пока не съедят третью. Хочешь ею быть? — Он повернулся к вернувшемуся Сержанту: — Что там?

— Барон уехал, но очень внимательно посмотрел на наши укрепления.

— Пень с ним. Чего ржали?

— Да твой Старшой... — Сержант усмехнулся, подсел к столу и протянул ко мне, вернее — к кувшину, свою кружку.

Я плеснул ему.

— Ты стал сесть, Сержант.

— Да вроде пора... — Выпил, крикнул и снова повернулся к Старшине: — У твоего Старшого наши дуболомы спрашивают: чего, мол, ром не пьешь, а тот отвечает: «Он невкусный».

Я засмеялся.

— Как он вообще сегодня? — Старшина тоже усмехнулся, дожевывая последний корешок.

— Трясется, отходняк его колотит. Первая драка — и сразу такое...

— Да, он нам фору подарил. Не подстрелил он Кабана, сейчас бы барон договаривался с горожанами, а не с нами.

За стеной снова грохнул хохот.

— Ничего, отойдет. Завтра пусть ходит со мной. Навестим горожан, заберем долги, купим подводы.

— Надо решить, где будем продавать лишний скарб. Здесь, с этой заварухой, хорошей цены никто не даст, — вставил я.

— Не бойся, к твоим горам не пойдем. Пойдем на север. Торговля снова налаживается. А караваны грабят по всему пути. Без работы не останемся. Охрана нужна будет всем.

— Это ж сколько топать! — Я только сейчас понял, что Старшина все решил уже давно, и отказ взлезать в спор барона и горожан — лишь повод, чтобы уйти из этой провинции.

— А мы не спеша... — Старшина выплюнул твердый корень. — Пойдем, кольчужку Кабанью посмотрим.

— Хороша кольчужка, мне бы такую. — Сержант допил свою порцию.

— А ты у моего попроси. Он вроде не жадный...

9 коротка 315 года. Вечер. Висек. Старшой

Сержант привел нас в отряд. Всех новичков распределил между ветеранами. Лисе сказал, что сам за ней будет присматривать, чтобы к ней никто с глупостями не лез. А на меня только махнул рукой. Жди, мол.

Через какое-то время позвал к командирам. Старшина, весьма старый уже мужичок, с пронзительными глазами под лохматыми седыми бровями, в выцветшей куртке Морского полка, очень теплой и с вшитыми железными пластинами вместо брони. Его заместитель, по прозвищу Второй, очень нервный по виду, худой и жилистый, в полной красивой броне, осмотрел меня очень неприязненно. Старшина долго спрашивал меня про Корронну, просек, что я был там студентом. Остальные года его не заинтересовали. Дожил — и славно. Достал какую-то старую потертую карту, расстелил на столе и стал пытаться по обозначениям. Карта была рукописная, сухопутная, но с морскими знаками. Сначала я думал, что меня просто проверяют, но, судя по тому, как они со Вторым стали спорить и махать руками, понял, что это давний спор и я просто доказываю чью-то правоту. Старшина впал в ступор, когда я сказал, что это не линии высоты, а обозначения зелени — растительности на перелазах. Где лес, где кустарник, где уже один мох наверху. Второй вообще не въехал в тему, мотал головой и недоверчиво хмыкал. Я сказал, что такие карты тоже бывают. По-видимому, эту карту срисовали именно с такой, не понимая обозначений, а потом уже сверху нанесли

свои знаки. Второй, не поверив, говорил, что каждый год по-новому растет. Пришлось объяснить, что в горах каждая растительность не выше своей высоты выживает, и по границе можно четко понять, где находишься.

Старшина с довольным видом разлил по кружкам. Оказалось — что-то вроде егерского чая. Старый герцог любил такой. Из более качественных ингредиентов, конечно. Чай, масло, соль, сахар, чуть рому. Выпил с удовольствием. Второй смотрел, открыв рот. Старшина ржал.

В итоге приняли. Старшина взял к себе в догляд. Второй только рукой махнул. Сказали, чтоб осматривался и на рожон не лез.

На третий день вышли почти всем отрядом патрулем по дороге. Оказывается, ловили того самого Кабана, который выпотрошил обоз, где шли мы с Лисой...

После драки стали снимать с Кабана кирасу. Когда стянули шлем, оказалось, что мой арбалетный болт расколотил ему всю голову вдрызг... Только у канавы я и отдышался — так рвало. Ветераны одобряюще хлопали по плечу, мол, первый раз всегда так. Пройдет.

Вечером в таверне наступил отходняк. Трясло не по-детски. Бойцы выставили мне кувшин: за те стрелы, которые, благодаря моему воплю, прилетели в щиты, а не по ним. В горло не лезло. Чтоб не обижать отказом, рассказал пару баек. Ржали, как кони. Из командирской комнаты даже вылез Сержант: посмотреть, что у нас стряслось. Скоро выползли и Старшина со Вторым. Все мерили Кабанью кирасу. Хорошо сидела только на Сержанте, росту и мышц у него было под стать ей. Ему и отдал. За так. Он пытался всучить деньги, но я отказался.

Второй присматривался на огромное черное перо, которое я прикрепил на свой шлем, но я сделал вид, что не понял намек. Сам поношу. Ради смеха.

Стена отчуждения между стариками и нами, молодежью, рассосалась. Через два дня вышли в дорогу уже единым отрядом. Сержант в черной кирасе был хорош.

11 коротка 315 года. Вечер. Висек. Старшина

Люблю нежадных людей. Сам такой. В могилу, кроме штанов, пары сапог и одного меча, ничего не утащишь. И то если друзья будут хоронить. А иначе и сапоги, и меч стащат. В де-

ревне никогда ничего не выбрасывали: вдруг хоть через двадцать лет, но пригодится.

Помню, был у нас один. Из благородных. Вещи все свои стирал, при каждом удобном случае. Привычка, говорит; если грязное надеваю — чешусь весь, мол. Ну мы смеялись, конечно. Послали нашу десятку в разведку в один восставший графский городок. А ребята там серьезные оказались. Всех чужаков с пристрастием допытывали, кто и откуда. А нас и допрашивать не надо. Вышел начальник, старый хитрован с рожей жителя южных губерний, и просто понюхал. А мы за неделю похода так у костров прокоптились, что ничего и не скажешь. Не углежом же называться... Сказали, что бродяги. Ну разбойники, короче. Нас в кутузку. А этого понюхали — мылом пахнет. Я, говорит, художник, работу ишу. А где твои, художник, краски? — спрашивают. А я только углем рисую, — отвечает. Ну начальник ему из камина уголек выкатил. Рисуй тут, на стене. Вот, думаю, и тебе стирка не помогла. А наш потер уголек об пол, наточил как-то. Раз — и на стене улица с домами и фонарем, женщина в длинном платье с зонтиком и кошка на подоконнике. И быстро так... Все рты и пооткрывали.

Нас под замок, его к графу, портрет графини писать. Вот так.

Что потом? Портрет написал, очень красивый. Успел и донесения нашему командиру послать, и графиню охмурить. Как заваруха началась, нас из тюрьмы выпустил, охрана в это время на стенах была. Ну мы и порезвились внутри. Спрашиваем, где рисовать так наловчился? Все детство, говорит, родители заставляли талант развивать, а дети другие смеялись, вот он и не любил это дело. Герцога нашего только нарисовал. Тоже углем, и не грозного, а хохочущего во все горло. Командир хотел порвать, но кто-то сказал, что герцог будет доволен, и забрал картину. И правда — герцог денег прислал. Много, и приглашение нашему художнику. Да, его в ту же неделю кондрекоры подстрелили. Мы эти деньги на поминках и прогуляли.

Чего вспомнил, так про жадность и Старшого. Этот художник наш жил по своим правилам. Если кто скажет, что ему вещь какая-то художникова нравится, сразу тому отдавал. Даже неудобно было порой. Мы уж все знали потом. А он не обижался. Бери, говорит, раз понравилась, мне тяжело будет носить. Легкий был человек. Хорошо с такими.

Осторожно выглянул наружу. Похоже, ждать меня устали. Да и не знают они, кого ждать. Так, слухи... Один сидел, привалившись к стене хибары, второй ходил вдоль забора, борясь со сном. Где же я наследил? Или кто настучал? Узнаю — порешу. Потому и работаю в одиночку. Не люблю напарников. Вообще людей не люблю.

А за что их любить? Один человек, который за всю жизнь меня не попытался ударить, а только целовал, и то не знаю, кто это. Старая женщина. Помню плохо. Сказала, что она мне не мать, а кормилица. Я тогда и слова такого не знал. Кормилица — это же даже лучше, чем мать. В том месте, куда она ко мне приезжала раза три, тот, кто кормил, был и папой, и мамой, и любовью всей жизни. Все три раза плакала. Гладила по голове, совала вкусности всякие и плакала. Одета была хорошо, но не из благородных. Это я уже потом по крупцам вспоминал, кто и что. Пытался хоть что-то понять, откуда я и кто. Хозяин нашего приюта, если можно так назвать эту смесь тюрьмы, монастыря и детского дома, не дожидаясь моих расспросов. Получил несколько дырок в жирном теле. Я думаю, штук двести. Сорвался один из наших братьев. Мы все там были братьями. Пнул его отец настоятель, чтобы побыстрее с дороги убирался, а Дикий Гусь, так его звали, встал, выхватил у начальника нож с пояса и оторвался по полной. Столько крови я потом ни разу не видел. Хотя нет, видел. И не раз.

Тот, что сидел, всхрипнул. Я сразу выскочил из-за угла, даже не думая. Это мое хорошее качество. Не думать ни секунды, когда надо. Когда надо бежать, стрелять или выдергивать меч. Там, где я провел первые тридцать лет жизни, это очень пригодилось... или там и воспиталось. Приют, монастырь, армия, баронские дружины, разбойничьи шайки, каторга и прочие прелести жизни.

Выскочил из-за угла и сразу махнул по стоящему мечом крест-накрест. Этому удару меня научил Сива Бешеный.

— Если человек без кольчуги — крестани его, — Сива жмурил глаза от удовольствия, — даже если не убьешь, то ему от боли и вида своей кровянки худо делается. На несколько мгновений он из боя выпадет. Потом, если нужно, можно будет и кончить.

Спасибо, Сива. Много я от тебя узнал. Даже мне страшно подумать, где можно было всему этому научиться и остаться в рассудке. Хотя Сива и рассудок — это тоже не совсем подходящие друг к другу понятия.

Обернулся к храпящему, тот очнулся, но встать не смог. Мой клинок проткнул ему горло. Аккуратнее надо быть, так можно и меч сломать о стенку. А оружие надо беречь. Первый завалился и хрипел. Ткнул не глядя, звуки затихли. Присел на корточки, прислушался. Тихо. Туман полз от порта. Сырость снова принесла запахи моря. Водоросли и рыба... фу, гадость, как их едят только! Ничего нет лучше свежего кровоточащего куска мяса, поджарившегося на огне, когда добыча еще бьется у тебя в ногах, а ты уже запикиваешь в себя этот первый, самый вкусный кусок.

Размечтался... Пора уходить. Потрошить ребят не стал, я не жадный. Почти все попадают на украденных с трупов вещах. Обойдемся. Потрогал амулет на груди. Вдохнул воздуха. На север хочу, прочь от моря. Мяса, мяса дайте!

7 пыльника 315 года. День. Восточный форт. Второй

Зачем мы сюда полезли? Большой отряд, большой отряд... Как же. В ворота не пустили, своих головорезов там хватает. Старшина подрядился двух людей из города вывезти. А как самим туда попасть?

Власть в городке держали местные авторитеты. Без их указки и пикнуть никто не смел. Купцов пускали только с небольшой охраной.

Старшина собрал всех «стариков».

— У кого какие мысли есть?

Меня и не спрашивал, знает, что я против таких наймов категорически. И не в деньгах дело. Одно дело охрана и драка, другое — разборки среди семейств и больших денег.

— Может, ночью пролезем? — Весло любит ночью по стенам ходить. Ему что, в егерях и не на такое способны.

— Залезть, может, залезем, а людей как вывозить? Тоже через стену? — Старшина кивнул своему любимчику на кувшин, пусть разливает. Старшой с усилием выдернул пробку. Вояки оживились.

— Это не вам, — Старшина подвинул только свою и мою кружку, — пока не придумаете, не налью.

— Так на мокрое лучше думается. — Сержант не желал оставаться в стороне. Разлили всем.

— Может, просто купим кого-нибудь в городе? — Драться мне не хотелось.

— Ага, а наши наниматели этого не пытались сделать! Тут уже все пути попробованы.

Все уткнули носы в кружки.

— А купцов пускают? — Старшой подал голос из-за спин.

— Ну и?

— Одеваем кого-нибудь купцом, даем несколько человек в охрану.

— И что они там будут делать? И товар какой?

— Торговать будут, провиант покупать, все равно надо. А товар можно на тракте у любого каравана оптом купить.

— Спят...

— Ну если в первые дни не наглеть, то вполне можно попробовать. — Старшой решил до конца отстаивать свою идею.

Старшина осмотрел всех хитрым глазом.

— Так, меня и Второго они видели. Сержант в купцы не годится. Пойдет Весло. В охрану ему дадим Братьев, Тихого и Старшого, в качестве приказчика. Торговаться умеешь? Сержант, покупай две подводы с лошадьми, одежду для купцов и какой-нибудь товар. Если ни у кого других идей нет, то пробуем.

12 пыльника 315 года. Вечер. Восточный форт. Весло

Шлем и кирасу пришлось оставить. На меня надели простеганную куртку с железными пластинами. Вместо меча взял тесак и топорик. Если надо будет, я и ими справлюсь. Братья и Тихий остались как есть, наемники — они и есть наемники. Старшой достал свою куртку и испачкал руки в чернилах: ни дать ни взять — писарь, одним словом. Мне сказал надеть еще пояс с кошельем. Это точно, купчина все свое носит сам. Сержант на постоялом дворе купил нам две видавших виды телеги и пару спокойных лошадок. Там же купили два вороха кож: дубленых — на куртки, и обычных — на упряжь и ремни. Продавец в довесок сбаврил тюк дорогой крашеной замши. Куда ее денем — не знаю.

Договорились со Старшиной о сроках и вышли.

Все сразу пошло наперекосяк. Одна лошадь захромала, телега начала разваливаться. Дождь чуть не вымочил товар: о том, что его надо беречь, мы и не подумали. На городских воротах начали пытаться, откуда и куда. Хорошо хоть мы со Старшим поняли, что надо говорить одно и то же, и просто описывали наш отрядный путь. Пропустили нас, на постоялом дворе слупили втридорога; как они тут живут с такими ценами... Народу много, но весь какой-то зашуганный. По городку спокойно не пройти, все время сзади топают стражники, по виду такие, что от них самих впору людей охранять. Так и есть, наверное.

Посреди площади — виселица, и человек десять висят. И в богатой одежде, и попроще. Круто берут здешние власти, хотя вроде как лихие времена закончились. А наглые, как монахи коронного храма.

Сняли на базаре лавчонку, пытаемся торговать. Старшой разложил товар, народ зазывает, но толку — ноль. Народ шарахается. Наконец подошел местный купчина:

— У нас здесь свои порядки, уважаемые.

Ласково так говорит, но понятно, что прирежет за одну монету.

— Какие свои, уважаемый? Деньги другие? — не вытерпел я.

— Нет, уважаемый, деньги те же. Торгуют только свои купцы, а вы, уважаемый, если хотите продать, продайте нам, так лучше будет.

— Так нет проблем, уважаемый. Забирай, если цену хорошую дашь, конечно.

— Хорошую, не сомневайтесь, уважаемый.

И называет в два раза меньше той, за которую мы купили. Однако. Мы со Старшим переглянулись. Даже грубо отвечать не хочется.

— Ну как знаете, уважаемые. Если надумаете, вон моя лавка.

И пошел. И понятно, что деваться нам некуда. Старшой мне подмигнул — и за купчишкой следом, семена и что-то сзади приговаривая. Вернулся через полчаса.

— Сказал ему, что ты за грош удавишься и будешь здесь сидеть, пока все деньги не проешь. Что хочу от тебя уйти и есть ли работа в городе.

— Ну и?

— А ничего. Никто у нас ничего не купит. Будем упираться — вообще отнимут. И чужаков на работу не берут. Да, и после захода солнца ходить нельзя, любому на улице караул стрелу всадит.

— Нормальненько. Ну ночью мы и сами кого хочешь подстрелим; напугали, егерский штык им всем в одно место. И чего делать будем?

— Можно ругань устроить, на крайний случай. Всех выгоняешь, чтоб по разным местам сидеть. Хотя у них тут столько охраны, что проследят все равно. Тогда ждем пару дней, а там посмотрим. Знак бы подать этим двоим, за которыми пришли... Да как?

— Ждем.

Через два дня стало еще хуже. Деньги кончились. Хромую лошадь вместо того, чтобы лечить, пришлось продать. Братья поцапались в трактире с караулом. Никого не убили, а вот их чуть не арестовали. Судя по тому, как на нас посматривал хозяин постоялого двора, скоро нас всех повяжут. Вечером и пришли.

Виселицы мы ждать не стали, пошли на прорыв. Братья и Тихий у них на хвосте срубили четверых во дворе и ушли в темноту города. Ко мне в комнату пытались ввалиться трое. Одного принял на тесак, остальных спустил с лестницы. Хорошо, что был одет. Махнул на крышу, оттуда по конюшне дальше. И теперь, распластавшись на коньке городского арсенала, смотрел, как город встал на уши. Искали нас плотно. Всюду бегали стражники с факелами, звучали ругань и команды. Братья не стали изображать героев, пошумели на улицах и снова растворились в темноте. Думаю, что к утру доведут счет до крупного. А что потом?

И сам стал староват для прыжков по крышам. Рассветет скоро, и — привет. И Старшой пропал. Или уже порубали молодого, а он еще и без оружия, и брони. Беда. Спустился аккуратно, пробрался на площадь к нашей лавке, замка на двери не было. Приоткрыл, понюхал воздух, явно прятался не один человек, к поту примешивался запах свежей крови; значит, не Старшой. Достал топорик, сейчас поиграем...

— Не порежь никого, Весло.

— Тьфу, Старшой... А с тобой кто?

— Те, за кем мы пришли. Как выходить будем? Братья где?

— Братья бегают. Шорох наводят. — Зашел, прикрыл дверь. Старшой чиркнул кресалом. В свете фитиля увидел пожилых мужчину и женщину с испуганными глазами и небольшими тучками в руках. Старшой сидел с исцарапанным лицом и богато украшенным кинжалом на коленях. Из вороха кож торчали чьи-то ноги в дорогих сапогах.

— Гаси... Где ножичек такой прибрал и что с мордой?

— Было дело...

— Ладно. Пока еще темно, идем к южным воротам.

— Там же человек десять!

— Главное — дойти. Делать только то, что скажу. Идти быстро сможете?

Молчание. Эти дурни наверняка закивали в темноте, как будто я их могу видеть...

— Смогут, — подтвердил Старшой.

— Хорошо. Я первый, Старшой за мной в десяти шагах, вы за ним. Я встану, все встаете. Я лягу, все ложитесь. Я бегу, все бежите. И тихо. Тихо. Тихо.

Дошли до ворот. Заныкались в переулке. К охране постоянно кто-то подбегал, проверяя, что все нормально. На рассвете в воротной башне раздались ор и лязг. Через минуту дверка открылась, и рожа Сержанта высунулась на улицу. Слава богам. Когда шумят за спиной, надо и вперед посматривать. Охрана? Лежат теперь в живописных позах. У нас только Пекло зажимал плечо, вечно ему попадает. Перебежали к своим. Ворота открывать не стали, спустили мужчину и женщину по веревкам, так же слезли и сами. В дверку уже долбились. Поздно, ребята.

Вечером пришли Братья с Тихим. Увидели нас, помахали руками, сели жрать. Тихий матерился страшно. Говорит, только успевал после этих двух отморозков через трупы перескакивать. Врет, я-то его знаю: половина трупов — точно его рук дело. И так всю ночь. Под утро они еще и запалили город, и лишь потом перелезли через стену.

Старшого опять трясло. Рано ему еще в такие передраги. Помогайся без оружия по улицам, когда за тобой толпа с мечами и арбалетами бегают. Бегают с желанием тебя немножко повредить, как наш командир, помню, говорил. Так мало того, что убежал, так еще и дело сделал. Если не помрет, то далеко пойдет. Тьфу-тьфу.

12 пыльника 315 года. Восточный форт. Вечер. Старшой

Еще никогда в жизни мне не было так страшно. Днем, изображая зеваку, погулял по городку, потолкался по лавкам. Зашел в дорогой трактир, съел порцию сосисок, очень вкусно. Мимоходом нашел домик тех, кого мы должны были отсюда вывезти. Он стоял на центральной улице недалеко от рыночной площади. Небольшой особнячок, с палисадником, большими стрельчатыми окнами и резной дверью. Строили его еще в те времена, когда в городке не думали об обороне, ночных погромах и прочих радостях жизни... Во, выражение Сержанта прицепилось.

К вечеру прибрел на постоялый двор, где и увидел первую часть представления под названием: «Сейчас вас будут убивать».

Нападавшими руководил воин в легкой узорчатой броне, с узким волевым лицом и мощным командирским голосом:

— Если сопротивляться будут, всех валить! Нам пленные не нужны.

Я это услышал, входя во двор и утыкаясь носом ему в спину. Потом долго и быстро бежал, петляя, как заяц, и слыша свист арбалетных болтов и веселую ругань. Идиот. Сам придумал, сам и выпутывайся. А что, ни оружие, ни броня тут бы не спасли. Охотилось за мной человек двадцать, к тому же хорошо знавших местность, в отличие от меня.

Через полчаса бега выскочил на перекресток и понял, что подбегают со всех сторон. Еще пять секунд — и все... Каким-то непонятым прыжком, спиной вперед, перемахнул забор и упал, повиснув в колючем кусте, не долетев до земли. Замер. За оградой столкнулись две группы преследования.

— Стой! Где?

— Свернул куда-то опять, гадина.

— К северным воротам, наверное, утек.

Я уже старался не дышать. Здоровенные колючки потихоньку впивались в тело. Сердце било, как в набат. Раздался голос узколицего:

— Тихо. Здесь он где-то прячется. Осмотреть все закоулки. Этого можно и живьем взять.

— Слушаемся.

— Сам с него шкуру спущу. Где остальные?

— Трое борзых, это которые наемники, к реке ушли. Наши там их ловят.

— Как бы те их сами не поймали. Наемнички. Пошлите туда еще людей. А купчишка?

— Влез на крышу — и пропал. Уже везде посмотрели.

— А их лабаз?

— Замок сбили, там никого.

— Искать. К воротам постоянно отправлять караулы. Утра ждать нельзя. Ищите.

Те с топотом разбежались по улицам. Колючки, похоже, уже проткнули меня насквозь. Сердце по-прежнему выпрыгивало из груди. Я был весь мокрый от пота. Было страшно повернуться: враги стояли за забором, на расстоянии вытянутой руки.

Наконец все стихло. Еще несколько минут я повисел неподвижно. Потом еще чуть-чуть. И еще. Когда боль от колючек пересилила уже все пределы и я был готов заворочаться, за забором чиркнуло кресало. Я опять обмер. На полмгновения позже — и все. Кто-то стоял за забором, вслушиваясь в тишину. Это мог быть только узколиций командир. Пока остальные бегают — стоит, ждет. Я чуть не заплакал от боли и страха.

Вдруг в соседнем квартале послышались крики и лязг мечей, кто-то истошно заголосил:

— Здесь они! На помо...

Судя по тому, что крик оборвался, помощь не успела. Кто ж там? Братья или Весло отбиваются. Эти могут много крови выпустить местным стражникам. Весло, уже пожилой, но еще в отличной форме, обладал какими-то фантастическими приемами боя. Если Сержант в бою стоял как скала, о которую разбивались волны врагов, Братья отличались слаженностью и напором, то движения Весла всегда были скупы, четки и почти не видны глазу. Чувствовалась многолетняя выучка. И не в обозе.

На перекресток вновь выскочили люди. Узколиций их обругал и увел в сторону шума. Я со стоном стал выпутываться из колючек и вскоре свалился на землю, с поцарапанным лицом и руками. Что ж, главное — не терять скорости. Пробежав пару кварталов, перемахнул уже знакомый палисадник и постучал в резную дверь.

— Кто? Мы никого не ждем, — раздался испуганный голос.

— Я от вашего сына.

За дверь ойкнули, и она приоткрылась. Я заскочил внутрь, захлопнул дверь и привалился к ней спиной, стараясь отдышаться. В свете лампы увидел двух пожилых людей, как ни странно, полностью одетых, несмотря на поздний час.

— Где он? Он жив? — не вытерпела женщина.

— Жив, в безопасности. Прислал за вами. Собирайтесь, попытаемся уйти.

— Ворота закрыты, а днем мы под присмотром.

— Вот поэтому бежим сейчас, собирайтесь.

Они переглянулись.

— Мы готовы.

Мужчина вытащил два тючка из стоявшего тут же сундучка. Подал жене темный плащ и сам надел толстую куртку.

— Оружие есть?

Мужчина достал с полки выдавший виды арбалет.

— Не развалится? — с сомнением спросил я. Тетива, похоже, была готова порваться от дуновения воздуха.

— На пару раз хватит. — Мужчина сноровисто зарядил арбалет и передал мне.

— Идемте.

Плана не было. Все карты были у Весла. Не нашел ничего лучше, чем отвести их к нашей лавке. Если стража ее уже осмотрела, то второй раз не полезут. Открыл дверь, пропустил их вперед, зашел сам. Тут же что-то грохнуло, вспыхнуло огниво. Мужчина лежал на шкурах, а узколицый держал кинжал перед лицом женщины. Повернув ко мне голову, он удивленно поднял брови при виде направленного на него арбалета. Болт взвизгнул, тетива лопнула с противным звуком. Узколицый выронил кинжал, упал назад на кожи, трут потух. В темноте привели в чувство оглушенного. Хорошо хоть узколицый его не пырнул, просто ударил по затылку рукояткой. Кинжал с огнивом пригодятся.

Что делать дальше, в голову не лезло. Хотел уже скомандовать отправляться к городскому частоколу, но тут дверь скрипнула. Весло пришел вовремя.

Уже поздно вечером в лагере ко мне подошли Братья. Осмотрели кинжал, похлопали по плечу. Тихий протянул кружку.

— Ты везучий, бродяга.

— Бегаю быстро.

— Бегаешь ладно. То Кабана завалить, то Мола...

— Кого?

— Он тут всех в узде держал, включая местного барона. Я на конюшне когда терся, все про него узнал. Душегуб, каких мало. Сам любил казни исполнять. Весь городок ему принадлежал и все боялись. Ты ж из арбалета в чучело не попадаешь, а тут...

— Так с двух шагов! Это у меня способ такой. Подбегаешь вплотную и стреляешь.

Тихий с Братьями заржали.

— Ну тебе надо тогда с Братьями держаться. Они тебя будут вплотную подводить, а ты — кабанов стрелять.

Братья переглянулись.

— А ну вас. Я теперь только чай Старшине буду заваривать. Вот он, кстати, идет.

Подошли Старшина, Второй, Сержант и Весло.

— Хреновые вы купцы, — Старшина подмигнул мне, — ничего продать не смогли. Одни траты на вас.

Вот ведь зануда. За освобожденных, как я понял, нам хорошо заплатили.

Весло покачал головой.

— Ну не успели.

— Как не успели? — Я достал кошель из-за пазухи. — Вот. Как Весло мне сказал, что ночью уходим, я нашему знакомому купцу весь товар и впарил.

Весло опешил.

— В полцены?

— Нет, поторговался. За что брали, за то и отдал.

Старшина хлопнул себя руками по бокам:

— Во, учитесь! Хоть кто-то и дело делает, и деньги приносят.

— И на выпивку не тратит.

— Во, и на выпивку не тратит.

— На книги только могу.

— Второй, выдавай ему на книги в каждом городке. Заслужил.

— Ага, только библиотеки нам не хватает. Потом бродячий театр, фокусники, цирк, клоуны...

— Цирк у нас уже есть. А клоунов — вообще через одного.

12 пыльника 315 года. Вечер. Восточный форт. Старшина

Помню, был у нас командир в полку. Не полкан, а помощник его, по каким-то там делам. Гадкий, злобный и дурной был, хотя и из благородных. В нашем Морском, да еще в Егерском на происхождение не сильно смотрели. Это в Контулукском, если кровь не голубая, дальше сержанта не выслужишься. А у нас все по заслугам.

Так вот. Через него я нашивок в очередной раз и лишился.

Построил нас, два часа мурыжил в строю, все про какую-то честь говорил. Мол, нам доверили, а мы, дураки, не ценим, и прочую хрень.

И чего мне так тоскливо стало? И вот когда он на минуту замолчал, чтоб просморкаться, я тихонько... ну как тихонько — весь строй слышит, спрашиваю у друга своего:

— Знаешь, чем дурак от солдата отличается?

— Чем? — так простодушно отвечает, а все уже прислушались, чувствуют, что сейчас что-то будет.

— Солдат — он на срок контракта солдат, а дурак — это навечно.

Ну все легли, конечно, от хохота. Уж больно этого помполкана не любили.

Ну мне карцер, а так как старшин в карцере держать нельзя, то нашивки по дороге и спороли. Это еще ничего. Пять суток. В следующий раз я месяц просидел.

20 ятя 316 года. Вечер. Гора Корр. Глаз

Дурачки! Думали, что прижмут меня к горам и поймают. Щас. Испугали кота сметаной. Тут я сам вас переловлю. Даже не зная ваших троп и проходов.

Помню, когда с каторги сбежал, полгода мотался по хребтам. Досюда не дошел, но это чувство — свободы, неба, звезд, ледниковой воды — навсегда соединилось для меня с ощущением гор. Здесь я был своим. Это не контулукская чаша, где из-за каждого дерева в любой момент может взвизгнуть егерский болт, и не южная степь, где нет места одиночкам. Здесь я хозяин. И ночью, и днем. А еще, уважаемые, мне лошадок кормить не надо, и лагерь ставить, и прочее.

Что ж ты, барон, так на меня осерчал? Тьфу на тебя. И на все ваше благородное племя. Мир принадлежит сильным.

А вас ненавижу. Спесь вашу, чванство ваше. Благородные...
Перевешать вас всех на воротах замков, большего вы не стоите. Барон, барон...

Расположился прямо на перевале. С одной стороны сыпуха, тихо не подойти, с другой почти отвесная стенка: спрыгнуть можно, а влезть — надо будет попотеть. С вершинок спуститься можно, но не ночью. Запалил костерок под камешком, сварил в миске, она же кружка, вечернее пойло. Научился у кондрекоров. И суп, и чай вместе. В горах с дровами худо, на две посуды-то. Чай, масло, мед, если есть. И лепешка с вяленным мясом. Благодать. Благодать. И благодать. Простите, отец настоятель, ничего вы в благодати не понимаете. Ха.

Внизу зажегся огонек. Тоже поесть варят. Ага, еще и спать вполуха будут. Прошлой ночью я им выспаться не дал. А нечего на фоне огня стоять. Мишень — как в полковом тире. Поднял арбалет, нажал курок, зарядил; поднял, нажал, зарядил. А ко мне через речку ночью не перепрыгнешь. И сегодня не поспите. А я посплю. Горы усталых не любят. Внимание потерял на подъеме и сорвался, на спуске — ножку подвернул. Посплю. С востока тянуло теплым ветром. Еще бы почитать что-нибудь толковое перед сном. Ага. В монастыре не вылезал из библиотеки. Поэтому и уйти пришлось. Оказывается, молиться и трудиться надо, а не читать.

«Еще один день. Почему же так быстро?

Я опять ничего не успел, не продвинулся дальше...»

Ха. Ха. И ха.

*22 ятя 316 года. День. Брошенный город. Северная дорога.
Сержант*

Топали несколько месяцев на север. На всю дорогу никто не нанимал. Дорого. Не сезон. Все караваны шли от городка к городку. Надолго никто не загадывал. Купцы в основном имели свою охрану. Кормить еще два десятка людей мог позволить не каждый. Хорошо, что у нас в закромах было достаточно, чтобы не братья за уж совсем неприличные заказы. Убийства. Угрозы. И прочее.

В конце концов дорога совсем обезлюдела. Старшина решил двигаться дальше, чтобы к началу сезона прийти на север. Сбыть оружие и наняться в большую охрану. Оптимист, блин. Ладно, посмотрим.